

РЕЦЕНЗИИ

Советское религиоведение: между идеологией и политикой (Рецензия на Шахнович М.М., Чумакова Т.В. **Идеология и наука. Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР.** СПб.: Наука, 2016. 367 с.).

Рецензируемая книга представляет собой сборник текстов, которые делятся на три блока: три авторские статьи, публикации материалов (прежде всего, протоколов) заседаний исследовательских групп по изучению религий под руководством Н.М. Маторина, и тексты самого Н.М. Маторина.

Во вступительных статьях книги авторы рассматривают советское религиоведение 1930-х гг. Статья М.М. Шахнович посвящена общей теме – изучению религии в 1930-е годы, а одной из основных ее идей является разделение атеистического актива на исследователей и агитаторов. Статья Т.В. Чумаковой посвящена религиозному компоненту в переписи населения 1937 г. Третья, совместная статья М.М. Шахнович и Т.В. Чумаковой рассматривает работу группы Маторина. На первый взгляд может показаться, что статьи слабо связаны между собой. Однако при погружении в протоколы заседаний исследовательской группы Маторина по-иному предстают вводные авторские статьи: начинаешь понимать, что группу Маторина следует рассматривать именно как исследователей, а кропотливая работа историков и этнографов религии над религиозной составляющей переписи, собственно, является одним из аспектов деятельности Маторина и его коллег, не представленной в протоколах. Участь переписи 1937 г., хотя непосредственно и несвязана с судьбой этого советского религиоведа, хорошо характеризует сталинскую эпоху и место «настоящей науки» в ней. Становится очевидным, что в «настоящей

науке» сталинский режим не был заинтересован – ему, прежде всего, была важна, политическая преданность.

Опубликованные 34 протокола группы Маторина (*de jure* было три группы: по изучению религиозного синкретизма, народного православия и религиозных верований народов СССР, но *de facto* во всех группах состояли одни и те же ученые) свидетельствуют, прежде всего, о научном интересе исследователей к своему объекту. Конечно, в некоторых местах проскальзывает прикладная составляющая изучения религиозной обстановки на местах – борьба с религиозными пережитками – но, как правило, докладчики сообщают об отсутствии антирелигиозной работы и этим ограничиваются (см., напр., с. 118, 130, 151, 203, 214 и т.д.). В документах проскальзывают упреки в эмпиризме и этнографизме группы (с. 167), хотя участники заседаний осознают необходимость теоретического осмысления собранного материала (см., напр., с. 100-103, 112, 209-210, 224). Особо отметим ориентацию группы исследователей на мировой опыт: в частности неоднократно поднимался вопрос о представлении материалов на Первом Международном конгрессе антропологов и этнографов (с. 142), Маторин делал доклад об исследованиях французского социолога религии Ле Бра (см.: с. 193-197), упоминались и другие зарубежные исследователи. В целом документы подтверждают мысль М.М. Шахнович о том, что в 1930-е годы в СССР интенсивно развивались религиозоведческие исследования (с. 27-28).

Однако Маторин (как и некоторые члены его группы) был репрессирован и расстрелян, что говорит о том, что для сталинского режима более важной была политика (связь Маторина с Зиновьевым), нежели идеология (использование марксистской идеологии и направленность на практику атеистической работы), и, тем более, чистая наука. При Сталине «было не принято» ссылаться на

репрессированных ученых, т.е. фигура Маторина, как и его наследие, до второй половины 1950-х гг. была под запретом. Это означает, что исследователи религии, если и читали его работы, то не могли их использовать напрямую, а сама фигура Маторина вызывает исследовательский интерес только сейчас.

Кроме, протоколов, состоящих из повестки дня, присутствующих, стенограммы обсуждения докладов, в книге опубликованы также тексты докладов (иногда это, всего лишь, тезисы), планы работы группы, а также списки актива группы. Следует отметить, что публикация материалов группы Маторина представляет собой не просто механический набор текста рукописей, которым более 80 лет (хотя и это тоже!), но и богатейшие справочно-библиографические комментарии, сделанные авторами книги. Читатель находит не только ссылки на литературу конца XIX – начала XX вв., но и на современные исследования. Ценным является именно аннотированный указатель, завершающий книгу, представляющий более 250 персоналий, преимущественно российской науки.

Книга М.М. Шахнович и Т.В. Чумаковой, безусловно, заслуживает внимания религиоведческого сообщества. Н.М. Маторин и его группа может вызвать не только интерес с точки зрения истории религиоведения, но и в свете актуальных исследований религии. Так, например, опубликованная в данной книге «Программа для изучения «православного язычества» (религиозный синкретизм среди принявших православие народов СССР, «двоеверие»)», подготовленная Н.М. Маториным и А.А. Невским, по нашему мнению, вполне может быть ориентиром и в современной полевой работе.

О.С. Киселев